

В. В. Баркова, У. В. Сидорова

СТИЛИ ФИЛОСОФСКОГО МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА КАК СПОСОБ «ОВНЕШНИТЬ» СУБЪЕКТОМ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ СВОЕГО ВИДЕНИЯ «БЫТИЯ-В-ПУТИ»

V. V. Barkova, U. V. Sidorova

THE STYLES OF PHILOSOPHIC THOUGHTS AS AN ATTEMPT TO REFLECT ONE'S VIEW OF "EXISTANCE ON THE WAY" WITH A SUBJECT OF PHILOSOPHIZING

В статье рассмотрены узловые моменты историко-философского процесса становления субъекта философствования, философского мыслетворчества и стилей презентации философского знания.

Ключевые слова: *философствующий разум, философское мыслетворчество, определяющее себя мышление субъекта, стили презентации философского знания.*

Key moments of historical and philosophical process of formation of the subject of philosophizing, philosophic thoughts and styles of representation of philosophic knowledge are considered in the article.

Keywords: *philosophizing human brain, philosophic thoughts, self determining mentality of the subject, styles of presentation of philosophic knowledge.*

Философская мысль на протяжении всей истории своего бытия демонстрирует неиссякаемое многообразие способов существования и методологий философствования. Она буквально источает из себя многоплановость идей, концепций, взглядов, а так же и многоликость способов, донесения этих идей до собеседника. Как интеллектуально-духовный способ освоения реальности природного и социального бытия, философское мыслетворчество, преломляясь в своем развитии сквозь призмы опытов быстротекущих времен, «накапливает» в собственном феноменальном бытии ряд непростых вопросов, связанных со спецификой развертывания его бытия в человеческих сообществах. Например, в чем «секрет» востребованности философского мыслетворчества на протяжении всей истории существования человечества? Почему человек, по словам Г. В. Гегеля, «влечется» к познанию «высоких материй» в «науках о природе» и в «науках о духе» именно через призму их философского осмысления? Отчего, несмотря на тернистость пути в овладении многообразием мнений о природе мироздания и философскими системами, «втягивается» в эти процессы и получает некий импульс к философствованию, благодаря чему для него становится сущностной сама философия вообще?

«Живая плоть» нарративов, дискурсов и философских рефлексий, начиная с античных софистов и Сократа, постоянно притягивала к философскому мыслетворчеству талантливых личностей, способных на публичное позиционирование собственных способов осмысления действительности, общества, человека и его места в мире. Время сохранило в памяти мировой культуры имена первых пред-

ставителей этого вида интеллектуально-духовного искусства, великолепно владевших логикой мысли, слова, обоснованием и доказательством истинности тех или иных суждений о миробытии и человеке — Аристотеля, Диогена, Зенона, Парменида, Пифагора, Платона, Эзопа, Фалеса и т. д. Именно в эпоху античности среди интеллектуально продвинутых субъектов полисной жизни, независимо от рода их занятий, «родились» традиции «вырваться» в суждениях о мире и бытии за пределы внешней социальной и идеологической детерминации. Самим определять свою судьбу, мировоззренческие ориентации. Получать, при этом, мощный горизонт личностного саморазвития: право быть индивидуумами, а не просто исполнителями тех или иных социальных ролей. Ощущая общественную поддержку (или не поддержку) высказываемым мыслям, они находили в диалогах и полилогах с социумом смыслы своей жизни и гражданского служения государству-полису. Таких людей, опиравшихся в размышлениях о миробытии на собственные «прозрения», Пифагор и Платон называли философами.

Философское мировидение с самого начала «озвучивалось» особым складом суждений и особой манерой использования языковых форм. И в том и в другом случае в них «закладывался» латентный императив как некий горизонт предожидания на правах смысловых эрзацев. При этом любое философское суждение несло в себе определенный смысл, но не сам по себе, а лишь в той мере, в какой до него существует высказавший его субъект, обнаруживающий с помощью высказывания не только собственный способ думать, но и собственную форму жизни. Причем, высказывание используется как не прямое заявление

об убеждении, что исключает возможность рассматривать его как сообщение о факте. Одним словом, то, что представлялось постижением того, что есть, оказывалось в действительности всего лишь предписанием и схватыванием чего-то существующего, но выступающего всего лишь скрытой рекомендацией к определенным действиям, когда в ответ невозможно однозначно выразить ни согласия, ни не согласия, ни сомнения. Специфика языковых форм философского мышлевыражения порождалась особенностями развертывания пространственно — временного бытия рефлектирующего сознания. Описывая и осмысляя действительность — объективную и субъективную, философствующий субъект размышляет над проблемами, в принципе не имеющими собственного конкретного и неоспоримого решения «здесь и сейчас». Формы «схем действий» в этих рассуждениях обращены только в будущее, и только относительно его они выступают как жизнь в ее множественных особых характеристиках, кристаллизируя опыт онтологических и гносеологических вопрошаний человека, и, оправдывая этим сам смысл нахождения рефлектирующего разума в конкретной ситуации.

Античные мыслители, проникая рефлектирующим разумом до самых сокровенных уровней мироздания, как природного, так и социального, в поисках здесь «пророчков» истин, ощущали в «разверзаниях бытия и времени» огромные возможности для философского мыслетворчества. Уже в те времена они чувствовали необходимость расширения концептуальных возможностей языковых форм философского мышлевыражения для более адекватного «овнешнивания» предметных полей философии. Искать ответы на вопрос: где «прячется» корневая система вечных проблем несоизмеримости языка и мира: в мире, требующем изменений, или языке философского мыслетворчества, который вынужден все время «подгонять» свои философемы к новым обстоятельствам онтологических и гносеологических вопрошаний человека?

В эпоху Средневековья философское мыслетворчество было «переключено» на толкование и комментирование текстов Библии, размышлений Отцов Церкви. Философская мысль в те времена являла собой в «тварном мире» свет естественного, но смертного разума, не способного даже сметь сравниваться с божественным предвечным Откровением о «мире горнем». Поэтому «предметными полями» философских раздумий становились только дозволенные Церковью темы в строгих рамках канонического мышления. Но философское мыслетворчество находило «обходные пути» для демонстрации своего потенциала. Оно заявляло о себе в разнообразных комментариях к переводной арабской литературе, сочинениям иудейских философов. В герменевтических программах, связанных с составлением компендиумов (А. Кентерберийский, Ф. Аквинский, П. Расцелин, П. Абеляр, У. Оккам и др.), компиляций на основе трудов античных философов, глоссов, которые часто заменяли оригинал («Сумма изречений» П. Ломбардского), «сентенций». Однако, вводимые в публичный «оборот» понятия и их смысловые интерпретации, нарративы, дискурсы выстраивались схоластами в такой логико-смысловый порядок,

который, так или иначе, но всегда был направлен на оправдание целесообразности «лестницы бытия», созданного Богом. По сути, в эпоху средневековья философское мыслетворчество использовалось как инструмент для сакрализации эзотерических истин Священного Писания и Ветхозаветного Предания. Такой стиль философского мыслетворчества назывался «спасением явлений». Фома Аквинский, рассуждая по поводу подобных методологических конструкций, оправдывал их существование тем, что первой философией является знание истины не какой угодно, а той, которая есть источник всякой истины. Началом же всякой истины есть Бог. Однако уже в «Исповеди» Августина Блаженного мы находим несколько иные рассуждения о предмете и предназначении философии. Философия здесь оборачивается «способом жить», духовным опытом, в котором человек открывает для себя глубины Божественного. Она, конечно, не сама мудрость, но стремление к ней, утверждение «мудрости в себе», поскольку это есть способ очищения от скверны и бремени страстей человеческих.

Начиная с Нового времени философское мыслетворчество, отражая развивающиеся капиталистические отношения, открытия науки и техники, устремилось к изучению естественно — научных конструктов миробытия. Этому способствовало осознание значимости коперниканской революции, открытий Галилея, Ньютона, Кеплера. Эти открытия были значимы не только для понимания природы мироздания, но и радикального переосмысления места и роли человека в объективных закономерностях природного развития Вселенной. «Переоткрываемая» в контекстах Новой эпохи натурфилософские размышления античности: программы Пифагора, Демокрита, Аристотеля, философы активно участвовали в интеллектуальной революции своего времени, в рождении экспериментальных и теоретических исследований. Это были великие сыны своих отечеств: Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Герберт, И. Кант, Гольбах, Гельвеций и др. Своими сочинениями они буквально взрывали «границы» теологического понимания и объяснения действительности.

Обогащаясь достижениями физики и математики, и по-прежнему, ощущая себя «матерью всех наук», философское мыслетворчество продолжало наращивать свою активность в поиске общезначимых истин научного познания, применимых к осмыслению как природного, так и социального бытия. Исподволь формируя, тем самым, классический стиль философского мыслетворчества. В «Прологоменах, ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» И. Кант однозначно высказывает мысль о том, что философия должна оставаться «хранительницей наук», поскольку они нуждаются в верховном философском надзоре¹. Фихте назовет свою философскую систему «Наукоучением». Гегель основные разделы своей философии представил как особые философские науки, а саму философскую систему как «Энциклопедию философских наук». При этом он подчеркивал, что многообразие явлений сущностных форм философского знания и стилей философствования, не несет с собой ущерба для философии. Наоборот, это

есть необходимое свидетельство ее существования и саморазвития.

Объявив человеческий разум «мерой» истинного познания всех вещей, явлений, отношений между ними, философское творчество Нового времени актуализировало поиск рациональной легитимации его «абсолютного основания» в самом «теле» философской мысли. Анализ познавательных отношений человека с миром, «с самим собой» стал обретать новые черты развития. Он становится как бы посредником между наукой и жизненным миром человека. При этом философская рефлексия превращалась в актуальный способ понимания и осмысления самых разных типов знания о природе вещей, социальных отношениях и самом человеке. «Ветвящийся» характер философского мыслетворчества стимулировал развитие классических, логико-рационалистических традиций философствования, которые получили воплощение в неоплатонизме, неоаристотелизме, картезианстве, кантианстве, шеллингианстве, гегельянстве, марксизме и т. д. Но, чем активнее рационально-логические направления классического философского мыслетворчества сосредотачивали внимание на исследовании проблем социальной жизни, тем интенсивнее в нем «прорастали» некие, не соответствующие его установкам, но, связанные с природой человека и его самопознанием, тенденции и парадигмы. Их даже, по-началу, было трудно уловить «в сети понимающего слова» (С. Франк). «Прорезавшиеся» иные гуманитарно-интеллектуальные аспекты мировидения демонстрировали способность «высвечивать» такие социокультурные ценности человеческого бытия, значимость которых актуализировала их изучение не только «философским сообществом», но и специалистами других сфер познания. Эти исследования открывали путь к постижению уникального в его уникальности субъективного мира личностных переживаний человека «в его бытие — пути». Речь идет о феноменологии, герменевтике, понимающей социологии, онтопедагогике, недирективной психологии и т. п. Обращение к этому, не скованному дисциплинарными запретами и методологическими предписаниями классического философствования аспекту мыслетворчества, позволяло познавать особые сущностные конструкты жизненного мира человека, неповторимые по своей значимости: смыслы, ценности, идеалы. Тем самым, ориентация только на логико-рационалистические методы познания миробития и человека в нем переставала быть всепоглощающей тенденцией в развитии философской мыследеятельности и стилей её мыслевыражения.

Ещё в античные времена были «нащупаны» стези этих «иных» стилей философской мыследеятельности и особенности языковых форм их презентации. Философская мысль, «вылупившись» из религиозно-мифологических пелен, пришла в мир с претензией на самостоятельный, метафизический «угол суждения» о природе вещей, их отношениях, о человеке. Но, «вкусив» в материнском лоне нектар из метафорических способов мыслевыражения, она генетически «унаследовала» базовые матрицы этого стиля рассуждений, но теперь уже для выражения собственного строя мысли. Как это

было у Ксенофана и Парменида, Платона и Лукреция Кара, в письмах Эпикура и Сенеки, «Утопии» Т. Мора, «Божественной комедии» Данте, творчестве Эразма, Вольтера, «Фаусте» Гете, «Человеческой комедии» Бальзака, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, в пьесах Сартра, романах Камю и т. д. И. Н. Сиземская подметила, что развитие художественно-образного стиля философского мыслетворчества в целом создает качественно иные механизмы мирозерцания и миропонимания. Сила мышления в них, приумножаясь силой человеческого воображения, наполняет философское знание о мире и человеке богатством, не охватываемым умом, «жизненных окраин» мировоззрения. Застывшие, отвердевшие, «засмысленные» семиотические реалии-конвенции объективного мира, сформировавшиеся в недрах классического логико-рационального стиля философствования, подвергаются в нем рефлексивной «переплавке». В первоначальном виде они приобретают такую смысловую многосложность, которая «подвигает» философствующий разум становиться разумом «прорицающим», герменевтически истолковывающим «пограничные» ситуации в философских размышлениях, прорекая возможные метаморфозы в развитии Вселенной, природы, человеческом «Я». Последние способны обрести реальность при некоторых условиях, отсутствующих непосредственно «здесь и сейчас». Именно полнота синтеза мироощущений и мирочувствования через их метафорическое переобращение позволяет рефлектирующему разуму обнажать, объективировать мысли, находящиеся в становлении на различных уровнях даже подсознательного бытия — в форме смутных предчувствований, предожиданий. Эти интуитивные мыслеобразы воспринимаются как «знаки» чего-то важного, сокровенного, ранее непостижимого, прятанного в глубинах мысли и духа. Не случайно великий теоретик немецкой классической философии Гегель находил в трудах Софокла, Аристофана, Шекспира, даже Дидро, воплощение и полное подтверждение некоторых своих идей, и активно опирался на их труды в «Феноменологии духа». Закончил же он это, самое философское из всех, философских произведений, стихами Шиллера.

Художественно-образный стиль мыслетворчества, проходя через философское «горнило» исторических эпох, «пророс» в персонализме, философии жизни, экзистенциализме, философии космизма, отечественной религиозной философской традиции, феноменологии и т. д. В трудах Т. Адорно, Р. Барта, Н. Бердяева, Н. Булгакова, Ж. Бодрийяра, Э. Гуссерля, Н. Гартмана, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ф. Достоевского, Ж. Лиотара, Сартра, М. Фуко, З. Фрейда, М. Хайдеггера и т. д. Разнообразные смысловые компрессии, заложенные в художественно-образном стиле философского дискурса, позволили найти «общий язык» представителям различных философских направлений, исповедующих, подчас, противоположные мировоззренческие и теоретико-методологические позиции. Как конструктивный феномен философского языкового мышления, этот стиль дискурса позволил определить общие «фило-

софские концептуальные каркасы» позитивизму и экзистенциализму (Сартр, Камю, Ясперс), разнообразным теоретическим синтезам психоанализа с марксизмом (Э. Фромм), неотрейдизму с социологией (Маркузе) и т. д.

В недрах «доосевого» человеческого существования «зарождается» фольклор, который со временем из способа языкового мышления трансформируется в незаменимую философскую мыслетворческую форму презентации коэволюционных «состояний — взаимодействий» различных форм и уровней общественного сознания. Эти «малые» философские формы констатации опытов быстротекущей жизни: пословицы, поговорки, паремии, притчи и т. д., способны давать универсальное осмысление реальности, пронизывая своей оценкой все её сферы. Они «работают» на самых различных позициях. Даже взаимно противоположных: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет». «Везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов». «С глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т. п. Эта противоречивость не нарушает целостности фольклорного отражения и осмысления миробития, а, наоборот, укрепляет её, объективируя в конкретных обстоятельствах экзистенциальные опыты человечества. Фольклор во всех ипостасях своего явления можно рассматривать, как крупницы философской рациональности, откристаллизовавшиеся в логико-смысловую форму знания. Развертывая квинтэссенцию художественно-образного стиля философской рефлексии, фольклорные формы способны не только быть формулами передачи идей мыслящего субъекта другим, но и побуждать последних к актам креативно-мировоззренческого самостоятельного философствования.

Древним способам презентации философского мыслетворчества посредством художественно-образного стиля размышлений, стновится афористика. О ее творческих потенциях можно судить по сочинениям Цицерона, Сенеки, Сократа, Конфуция, Тертуллиана, Ф. Бэкона, Ф. Рабле, Ж. Лакана, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, У. Шекспира, Б. Паскаля, М. Монтеня, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, В. Тютчева и др. авторов, где она, как и фольклор, употребляется не только в качестве языковой формы мышления, но и как способ философствования. Смысловая динамика, заложенная в ее ментальных конструктах, благодаря сжатию информации до ядерного состояния, позволяет ей «фонтировать» смысловую многослойность, метафоричность, лаконичность, антропоцентризм, сентенциозность, парадоксальность. И. С. Нарский подчеркивал, что афористический стиль философского мыслетворчества, заключает в себе целую систему инвариантов информации. А. Белый, рассуждая по этому поводу, видел ценность философской афористики в том, что она позволяет мгновенно окинуть и увидеть, какой угодно горизонт человеческого миробития. Афористика способна найти и открыть дверь в самостоятельный путь человеку философствующему, там, где автор лишь пытается расставить вехи смыслообразов.

В доосековые времена человеческого существования сформировалась иконическая практика пре-

зентации философского мыслетворчества. Традиции такого способа мыслетворчества обнаруживают свою корневую систему не только в античной (символической заменой имени Зевс, например, были две гири, изображение молнии, колосса и т. д.), но и средневековой мифологии. Античной математике, в философских рассуждениях Архимеда, Гиппарха, Филалая, Аристарха Самосского, Пифагора, Платона. Улугбека, Ибн-Курры. В астрологических и магических фолиантах и т. д. В свое время П. А. Флоренский даже задумывал создание словаря иконических знаков-символов с «прорисовкой» их смысловых значений: от точки до сложных фигур и конфигураций. По мысли Г. Л. Тульчинского, характер используемых средств: схем, графиков, фигур, изображений, даже склонность к вполне определенным фигурам (треугольникам, кругам, прямоугольникам, стрелкам и т. д.), обозначают тяготение философствующего разума к иконическим формам философского мыслетворчества. Ф. Бэкон неоднократно акцентировал мысль о том, что задачей философии является именно обнаружение «скрытого схематизма» явлений, поскольку графический смыслообраз способен не только иллюстрировать, словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей.

История развития философского мыслетворчества обнаруживает в нем даже «поступочные» формы демонстрации философских убеждений и мировоззренческих позиций. Примерами могут служить киническая традиция, движение хиппи, дервишей-суфиев, саньясинов, бессловесное (исихасты, молчальники) философствование мудрых людей. Своей жизнью они демонстрировали реальность ценностных норм и смыслов своего бытия. Паузы, молчание, немота не менее существенны, чем собственно речь. В. Библихин в работе «Язык философии» подчеркивал, что молчание — необходимый фон слова². Именно возможность молчания дает основание для констатации зыбкости, неустойчивости, необязательности смысла в том или ином высказывании. Этот смысл мы обретаем позднее, когда замолкает язык и перед нами остается рефлексивная репрезентативность текста-поступка, своеобразного «сухого остатка» на поверхности вещей и событий.

В исследовании философского мыслетворчества интерес представляют висцеральные источники информации и их влияние на особенности творческого процесса. На мироощущение и миропонимание П. Я. Чаадаевым всего того, что происходило с ним и вокруг него, по его собственным свидетельствам, влияли не только слаженность работы его пищеварительных органов, но и погода. В творчестве А. С. Пушкина выделяют период «болдинской осени». Ф. Ницше в письме к сестре Элизабет Фёстер-Ницше, планируя работу над «Волей к власти», писал, что для этого ему нужно все: здоровье, одиночество, хорошее настроение и, может быть, жена.

В свое время Аристотель подчеркивал, что способов философствования и языковых форм их мыслетворчества столько, сколько есть видов сущностей бытия. И он был прав! Обретая бытие, как

одна из форм общественного сознания, философская мыследеятельность разворачивает свои «родовые концепты» между двух берегов: с одной стороны — познавательно-практической деятельностью, с другой — ценностно-ориентировочными смыслами человеческой жизни. При этом она тесно взаимодействует с находящимися в этом же пространственно — временном континууме общественного сознания другими формами мыследеятельности: наукой, религией, искусством, моралью, политикой, экономикой и т. д. Влияние этих, иных форм миропонимания и мироощущения, безусловно, отражается и аккумулируется в матричных структурах философского мыслетворчества. Возникающие при этом коэволюционные «состояния-взаимодействия» стимулируют рождение богатого спектра выразительных возможностей философского знания и многообразия стилевых «ликов» его явления социуму. «Озвучивая» разноплановость путей человеческого самоосознания «самого себя» и «себя в других», они позволяют философствующему разуму осмысливать всю полноту переживаний действительного бытия во всей ее противоречивой целостности. Вот так и появились на «свет Божий» разнообразные логико-рационалистические, религиозно-мистические, художественно-образные, аналитико-конструктивные и т. п. стили философствования. Секрет рождения целой гаммы стилей философского мыслетворчества «кроется» даже не столько в предмете рефлексии, сколько в способе отношения субъекта философствования к бытию, манере обозначения им своих убеждений, мировоззренческих позиций, характере «распредмечивания» и «опредмечивания» ценностей мировой интеллектуально-духовной культуры. К. А. Свасьян

писал в связи с этим, что главное в мысли не сама по себе мысль, а мыслящий человек. Мыслить вещи, явления, события — значит наделять их собственным «Я», которое, не переставая быть моим «Я», становится в них их смыслом и сущностью.

Используя максимальный объем культурного опыта человечества в качестве открытого, значимого поля для деконструкции различных культурных традиций, философское мыслетворчество всегда оставляет «следы» в открытом пространстве мысли, доступные апроприации. Тем самым, закладывая с первых моментов своего «появления» в интеллектуально — духовном пространстве жизнедеятельности человека прецедент, утверждающий его право постоянно изменять форму собственной презентации. В этой связи, логико-рационалистические, художественно-образные, религиозно — мистические, синтаксические, аналитические, деструктивные и т.п. стили философского мыслетворчества, можно рассматривать как различные способы презентации философского знания. Знания, отражающего quintessence онтологических и гносеологических вопрошаний идеалистических, материалистических, дуалистических, религиозных, плюралистических и т. д. систем миропонимания бытия и человека в нем во всей их многомерной сложности и неисчерпаемости.

Примечания

1. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизики, могущей появиться как наука. — Соч. : в 6 т. — Т. 4., — Ч. 1 — М. : Мысль, 1965.
2. Бибахин В. Язык философии. — М. : Прогресс, 1993.

Поступила в редакцию 10 февраля 2012 г.

БАРКОВА Валентина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет. В 1984 году защитила диссертацию по теме: «Культура в сфере услуг». Научные интересы: проблемы естественнонаучного познания, язык философии. E-mail: phil@susu.ac.ru

BARKOVA Valentina V., Ph. D., Associate Professor of Philosophy and Sociology of South Ural State University. In 1984 she defended her thesis on «Culture in the service sector.» Scientific interests: problems of scientific knowledge, the language of philosophy. E-mail: phil@susu.ac.ru

СИДОРОВА Ульяна Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет. В 2002 г. окончила философский факультет УрГУ (г. Екатеринбург) по специальности «онтология и теория познания». В настоящее время обучается в заочной аспирантуре УрГУ. Сфера научных интересов: онтология и теория познания. E-mail: suvlad_11@mail.ru

SIDOROVA Juliana V., senior lecturer in philosophy and sociology of South Ural State University. In 2002 she graduated from the Faculty of Philosophy USU (Ekaterinburg), specializing in “ontology and epistemology.” Currently enrolled in graduate school part-time USU. Research interests: ontology and epistemology. E-mail: suvlad_11@mail.ru